ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.2+316.48

Е.Н. Савельева, В.Е. Буденкова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕРРОРИСТА: СЛУЧАЙ БРЕЙВИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КЕЙС

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00237).

Авторы стремятся разработать теоретико-методологические основания изучения природы экстремизма и терроризма (как наиболее радикального вида экстремистской деятельности), обращаясь к проблеме терроризма, приобретающего все большее распространение в современном мире. Данный феномен раскрывается в контексте особенностей идентичности субъекта терроризма. Выявлена корреляция между внешними факторами, детерминирующими экстремистские наклонности, и особенностями внутренней структуры идентичности агента терроризма.

Ключевые слова: экстремизм; агент терроризма; персональная идентичность; коллективная идентичность; культурная идентичность; самоидентификация.

Терроризм как практика экстремизма

В XXI веке экстремизм и терроризм, подрывающие социально-политическую стабильность любой страны, становятся угрозой номер один. С начала 1980-х гг. число исследований терроризма неуклонно возрастало, и к настоящему времени эта проблематика стала одной из самых актуальных и широко обсуждаемых в научном и политико-правовом дискурсах. Разнообразие видов терроризма (политический, международный, ядерный, биологический, информационный, экологический и др.) указывает на то, что он может затрагивать самые разные аспекты жизнедеятельности социума. Вместе с тем исследование природы данного феномена, разработка теоретико-методологических принципов и понятийного аппарата для его изучения по сей день остаются ключевыми задачами социально-гуманитарных наук. Междисциплинарные исследования в указанном проблемном поле могут стать основой для разработки средств и методов профилактики и противодействия терроризму.

Трудности концептуализации терроризма и экстремизма начинаются с того, что мировое сообщество пока не выработало единого подхода к их пониманию [1. С. 84]. Оба понятия не имеют устоявшегося определения, поскольку их содержание раскрывается в зависимости от дисциплинарного контекста (юридически-правового, психологического, социологического и т.д.). Однако для большинства исследователей очевидна неразрывная связь между экстремизмом и терроризмом. Акцентируем внимание на этой позиции.

Понятие экстремизм (от лат. *extremus* – *крайний*) используется для характеристики субъекта (человека, группы), приверженного крайним взглядам и мерам для достижения определенных целей, т.е. настроенного на экстремизм.

Пример международно-правового определения экстремизма представляет «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (от 15 июня 2001 г.), подписанная многими странами, в том числе РФ. В рамках Конвенции экстремизм рассматривается как «деяние, направленное

на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2]. Свое определение сформулировано Парламентской ассамблеей Совета Европы: «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [3].

В России, в свою очередь, в ответ на вызовы радикального национализма и экстремизма в 2002 г. принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», в котором приводится перечень действий, относящихся к экстремистской деятельности (экстремизму), в том числе: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии...» [4].

Таким образом, содержание понятия «экстремизм» определяется через противоправные действия, осуществляемые посредством различных форм и тактик борьбы и насилия. Речь идет о практике экстремистской деятельности (политической, религиозной, этнонациональной и др.), которая в современных условиях беспрецедентно разнообразна. Она может включать планирование и осуществление изменений конститу-

ции; нарушение целостности и подрыв безопасности страны; захват власти и т.п. Причем в качестве крайней формы подобных экстремистских действий – как тактики насилия – выступает именно терроризм. Понятие терроризм (от лат. terror – страх, ужас) подразумевает насилие сильных над слабыми (государства над оппозицией) или насилие и устрашение слабыми сильных (оппозицией государства) [1. С. 88].

Исследователи насчитывают до двухсот толкований терроризма, ни одно из которых не признано классическим. Отсутствует и единое юридическое определение терроризма, столь необходимое для координации действий на международном уровне. В общем плане терроризм рассматривается как тактика политической борьбы, характеризующаяся систематическим применением идеологически мотивированного насилия, выражающегося в убийствах, диверсиях, саботаже, похищениях и других действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей, либо как «вид борьбы, который в политических целях пытается принудить государственные органы, а также граждан насилием или его угрозой к определенным действиям» [Там же. С. 85].

Юридически-правовые ориентиры в понимании терроризма задает закон «О противодействии терроризму», подписанный Президентом РФ 6 марта 2006 г. Здесь впервые для российской и мировой практики и теории терроризм определен как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [5]. Терроризм рассматривается как насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

При этом исследователи подчеркивают специфический характер насилия, присущий терроризму, что не позволяет его отождествлять с насилием, сопровождающим войны, революции, восстания и т.д. Отличительным признаком террористического насилия является незаконное и / или осуждаемое посягательство на людей, институты либо материальные объекты. В силу этого террористические акты всегда означают вопиющее игнорирование норм права и морали, независимо от того, осуществляются они государственной властью или ее противниками. В качестве второго признака теракта указывается на его прямой умысел (будь то нарушение общественной безопасности, устрашение населения, или осложнение международных отношений и т.д.) [1. С. 43]. Наконец, терроризм, будучи крайне формой проявления экстремизма, отличается «преимущественно конспиративное скрытое (по крайней мере, на подготовительных стадиях этой деятельности) насильственное воздействие на физических лиц, материальные объекты с целью побуждения органов государственной власти, между-

народных организаций (и др.) к принятию решений в интересах террористов» [6. С. 17].

Таким образом, несмотря на согласие относительно ключевых признаков терроризма, научное сообщество недостаточно продвинулось в понимании его природы и социокультурных основ. Разобщенность и абсолютизация представлений в рамках «своего» дисциплинарного поля не способствует выработке общей методологической программы исследования этого феномена. Отсутствие теоретической консолидации не позволяет специалистам дать исчерпывающий ответ на вопросы: «Какие реальные причины лежат в основе современного терроризма?» и, соответственно, «Какие эффективные меры необходимы для обеспечения безопасности человека, общества, нации и земной цивилизации вообще?!» [1. С. 81].

Теоретико-методологические подходы к изучению причин терроризма

Среди точек зрения, объясняющих причины терроризма, одной из наиболее распространенных является позиция, рассматривающая терроризм как ответную реакцию на неблагополучие в экономической, социальной, политической, культурной и других сферах. В числе «показателей неблагополучия» – демографическая ситуация, состояние здоровья, ухудшение условий жизни, недостаточность услуг в области здравоохранения; утраты равенства граждан в получении образовательных услуг; воспроизводство бедности и социального неравенства; рост безработицы, особенности образа жизни и общественного сознания, кризис общекультурных ценностей, норм и традиций и т.п. (см.: [1, 6, 7]). Негативный социокультурный фон и социальные конфликты провоцируют применение насильственных и опасных действий в их разрешении.

Изучением подобных провокативных факторов занимаются представители разных областей знания (политологи, социологи, психологи, культурологи, философы и др.). Принято выделять четыре основных подхода, раскрывающих причины и сущностные основания терроризма [7]. Первая теория акцентирует политическую составляющую терроризма, рассматривая трансформации политической сферы в качестве причины его появления и последующего развития. Вторая теория зиждется на социально-психологических концепциях, объясняющих терроризм с позиции социальной и личностной психологии (Д. Ольшанский, Н. Фридланд, Э. Силке и др.). Третья – теория цивилизационного конфликта – объясняет терроризм, исходя из раскола между Западом и Востоком, христианским и исламским миром (С. Хантингтон, Б. Дженкинс). При этом акцентируются не политическая или экономическая специфика, а проявления культурно-цивилизационного своеобразия. Таким образом, терроризм предстает как общекультурное явление в условиях межцивилизационного противостояния традиционализма и глобализма. В современных условиях терроризм превращается в системное явление, «связанное с особым состоянием (системным кризисом) человеческой цивилизации, формирующей новую ценностную систему координат в условиях дезинте-

грации и напряжения» [1. С. 150]. В этом контексте теория цивилизационного конфликта объясняет позицию субъекта террористической деятельности (представителя международной террористической организации исламского толка), для которого западный мир является порочным, недостойным, «нечистым». Ему противопоставлены иные (свои, традиционные) культурные ценности, не имеющие ничего общего с нормами цивилизованного мира. С позиции же объекта террористического воздействия, террористы являются воплощением контркультурного сообщества.

Наконец, четвертая теория оснований терроризма выстраивается на базе исследований социальных процессов, конфликтная природа которых обуславливается разделением общества на «своих» и «чужих».

Две последние теории, по мнению И.Л. Пашкевича, фокусируют характерные особенности современного терроризма, составляя тем самым теоретическую основу его исследования. Конфликт цивилизаций и деление общества по принципу «свой – чужой» рассматриваются в качестве фундаментальных оснований терроризма.

Итак, в целом осмысление терроризма затрагивает целый комплекс предметных областей. Авторы статьи предлагают свой подход, раскрывающий природу этого феномена в контексте особенностей идентичности субъекта терроризма. Продуктивность и новизна данной оптики связаны с тем, что она позволяет соотносить внешние факторы с внутренними (согласно авторской модели структуры идентичности субъекта) [8] и рассмотреть феномен терроризма в единстве индивидуального и общественного.

Феномен терроризма в контексте проблематики структуры идентичности

Попытаемся раскрыть природу терроризма с учетом следующего понимания структуры идентичности: как формирующейся в коммуникации; имеющей «твердое ядро» в виде персональной идентичности; представляющей собой систему взаимосвязанных типов и уровней (от персонального к коллективному, до культурно-цивилизационного), проявление которых ситуативно и обусловлено коммуникативным контекстом. Метафорой, отражающей подобную структуру, является образ «матрёшки» [8]. В контексте предложенной модели раскрывается ряд особенностей идентичности агента экстремизма и терроризма.

Во-первых, мы утверждаем, что *экстремистская и террористическая деятельность есть специфическая форма коммуникации коллективного уровня, исключая уровень индивидуальный и детерминирующая идентичность субъекта этой деятельности*. На это указывают следующие моменты. В коммуникативном отношении в любом террористическом действии участвуют три стороны: «адресат», «объект» (в данном случае люди тоже выступают в роли объектов) и «отправитель»¹. «Адресат» – тот, кому транслируется идеология насилия и предназначена практика воздействия – выступает условной коллективной фигурой (государство, общество, власть и т.д.). К такой же внеличностной фигуре относится и жертва (жертвы) тер-

акта, поскольку является объектом воздействия. «Отправитель сообщения» (субъект теракта) также предстает в качестве деиндивидуализированного субъекта, претендующего на выражение идеологии или общественного мнения, репрезентирующего вымышленные или реальные структуры и сообщества.

Подтверждающие аргументы обнаруживаются в исследованиях, отмечающих *публичную топологию терроризма*. Публичный характер исполнения и преднамеренное создание обстановки страха не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном [9] рассматриваются в качестве основополагающих признаков терроризма. Речь идет о противостоянии не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе государству или межгосударственным организациям. В отличие от военных действий, теракт обладает в большей степени символическим значением, несет в себе послание, которое зачастую адресовано не противнику, а широким слоям населения или мировой общественности. Смысл такого послания, как правило, заключается в информировании о ведущейся борьбе и привлечении на свою сторону целевой аудитории [Там же]. При этом объект (жертва) теракта, как отмечают психологи, не фигурирует для террориста в своей индивидуальной ипостаси, к нему нет сострадания. Террорист совершает идейное преступление – имперсональное убийство, – не зная и никак лично не относясь к своей жертве [10. С. 82]. «Получатель» оказывается случайно (или ситуативно) избранной жертвой – символическим объектом, олицетворяющим собой принципиально чужеродного и потому отторгаемого «Другого» [11]. В этом случае не столь важен далеко идущий стратегический расчет той или иной экстремистской группы. Основное значение экстремистских действий заключается в репрезентации «реального» действия, что в действительности объективно служит лишь повышению степени внутригрупповой сплоченности [Там же]. Представитель группировки всегда выступает *от имени многих*. Это подтверждает характеристику субъекта теракта как обезличенной, коллективной фигуры, осуществляющей коммуникацию на коллективном уровне. Исследователи настаивают на обязательном присутствии стоящей за террористом группы или организации. И сетуют, что из-за подобной деиндивидуализации анализ личностных компонентов деятельности террориста крайне затруднителен (см.: [10, 12]).

Но почему субъект теракта к этому предрасположен? Ответом на данный вопрос является наш второй тезис: в структуре идентичности агента экстремизма и терроризма *отсутствует персональная идентичность* – важнейшая часть, отвечающая за целостность идентичности как системы. Неслучайно в психологических, философско-социальных и антропологических исследованиях возникают специальные понятия, обозначающие проблемы самоидентификации (равно, проблемы идентичности). Используются, к примеру, понятия «квазиидентичность», «суррогатная», «негативная идентичность» (Л. Гудков), «неустойчивая идентичность» и «разорванное» самосознание (С. Чудинов) и др. Вместо персональной идентичности в

идентификационной модели экстремиста / террориста доминирует групповая идентичность, складывающаяся на основе *принадлежности*, поскольку тот, кто не способен к различию (основа персональной идентичности), не может осознать и сходства (основание национально-культурной и гражданской идентичности). Отсутствие сформированного ядра – персональной идентичности – «компенсируется» принадлежностью, которая, в отличие от различий и сходства, не требует рефлексии. При этом даже террорист-одиночка выступает «от имени» сообщества, беря на себя «миссию» выражения групповых интересов.

Таким образом, в структуре идентичности террориста (агента террористической деятельности) происходит замещение: функции персональной берут на себя групповые уровни идентичности – микросоциальная и частично мезосоциальная (этнокультурная, религиозная). При этом более высокие уровни коллективной идентичности, например гражданская или культурно-цивилизационная, позволяющие преодолеть «столкновение идентичностей», остаются недостижимыми², что объясняет невосприимчивость террориста к многообразию культурных миров, норм и ценностей. Основополагающим механизмом коммуникации в таком случае выступает разведение на Своих и Чужих на основании идентичности, сконструированной идеологической программой (ИГ – запрещена в России; неонацизм и пр.), которая маркирует Своих и выносит за скобки Других. Действительно, психологи указывают на необходимость внешнего врага для террориста, «Я-концепция» которого вместо интеграции «хороших» и «плохих» частей Я, раздроблена на «Я» и «Не Я» [13]. Но поскольку с потенциальным расширением коммуникативного поля число участников и различий между ними растет, увеличивается и часть «других», которые становятся «чужими». Значит, возрастает вероятность непонимания и конфликтов. Для субъекта теракта коммуникация с Другими может осуществляться только в формате «монолога», в одну сторону. Ответ других «участников» его не интересует и не предусматривается. «Такой субъект не может знать множественности жизненных миров и вообще присутствия «Другого» [14].

Возникает вопрос: как при отсутствии персональной идентичности и доминировании групповой возможна самоидентификация? В этом случае *самоидентификация выстраивается на основе принадлежности к группе и отрицания Другого*. Неслучайно психологи утверждают, что «целостность личности террориста подразумевает ее деиндивидуализацию» [10. С. 89]. Весь мир для такой личности замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Отрицается все, что неприемлемо для членов такой группы или сообщества. Осуществляется «самоконституция *от противного*», – основание так называемой «негативной идентичности» (Л. Гудков). Данное понятие введено в научный оборот для того, чтобы обозначить «первичную реакцию на «врага» и все, что кажется враждебным и чуждым» [15]. Вместе с тем на индивидуальность человека и свободу его выбора накладываются жесткие ограничения. В

одной из памяток боевиков исламской террористической организации «Хамаз» прямо говорится, что вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям [10. С. 90].

В рамках маргинальной антропологии, изучающей пограничные феномены человеческого бытия, в том числе и феномен экстремизма, негативная идентичность рассматривается как одно из доминирующих личностных, социально-психологических свойств маргинала [16]. «Негативная идентичность как разнovidность социальной идентичности характеризует личность и группы по принципу “против кого-то”, “от противного”, эксплуатируя образы враждебности, агрессивности, неприязни, ненависти, противостояния и противодействия» [17]. В субъективной личностной установке такого человека «Я» находит «Других» не просто отличными, но и противопоставленными. Террорист не способен к формированию значащих межперсональных отношений. «Его “внешний мир” характеризуется тремя категориями людей: “идеализированные герои террориста”, “враги террориста” и люди, с которыми он сталкивается в повседневной жизни и воспринимает их как ничего не значащие фигуры» [13]. Сам процесс идентификации приобретает в этом случае специфическую, извращенную форму. Осознание себя, своего «Я», отмечает И. Пашкевич, становится возможным через исключение, отрицание, размежевание со всяким «Другим». Такое причисление одних людей к союзникам, других к врагам обеспечивает *защиту чувства самоидентичности*. По-другому процесс самоидентификации и не может осуществляться, поскольку у деструктивных социальных слов размыта идентичность, они не обладают собственной четкой картиной мира, устоявшимся набором ценностных ориентаций, «у них отсутствует культурное “Я”, а также историческая преемственность, в том числе на уровне памяти поколений» [18. С. 178]. Стремление осуществить свое «Я» становится возможным только благодаря подавлению, нивелированию вплоть до полного уничтожения любого «Другого» или через паразитирование на «Другом» путем навязывания ему собственного «Я» [7]. В любом случае возникает особого рода коллективная – так называемая негативная солидарность, которая основана на вынужденной взаимной поддержке людей с разными интересами и ценностями, различным социальным статусом, объединяемых чувством ненависти к «другим» или страхом за свое существование. Именно коллективная идентичность группы замещает многое из индивидуальной идентичности ее членов, создавая иллюзию неуязвимости (см.: [13, 19]).

С этим связана еще одна важная особенность, подтверждающая отсутствие персональной идентичности террориста, на которую следует обратить внимание. Поскольку отсутствие персональной идентичности «компенсируется» принадлежностью, не требующей рефлексии, постольку и *выбор ценностных систем не является личностным выбором*. «Не цели и идеалы мотивируют людей к вступлению в организацию. Настоящая причина – сильная потребность во включенности, принадлежности группе и усилении чувства самоидентичности» [1. С. 139]. Коллективную же си-

стему взглядов и ценностей поддерживает фигура руководителя террористической организации. Для террориста покинуть организацию – значит разрушить жизненный мир, потерять идентичность, поскольку в отсутствие сформированного механизма самоидентификации принадлежность к группе (как ни парадоксально!) создает условия для проявления индивидуального. Поэтому нападение на группу воспринимается как нападение на себя лично, а любая акция извне значительно увеличивает групповую сплоченность.

Эмоциональный комфорт, который возникает благодаря чувству принадлежности (минуя самоидентификацию на персональном уровне), оказывается важнее рационально обоснованной модели мира. И здесь в силу вступают внерациональные, иррациональные, мифологические объяснительные механизмы, позволяющие оправдать необходимость насилия для преобразования действительности. Экстремизм относится к типу мировоззрения, которое через идеологические методы формирует деструктивное мышление и мотивацию на преступные действия. Главная черта его идеологии, как подчеркивает А.Г. Ипполитова, – мифологизированность [18. С. 179]. Создается, искусственная реальность, доказывающая ценности экстремизма. Без особой рефлексии ее воспримут люди с незрелым самосознанием, с несформированной на уровне ядра ценностной системой. Их выбор будет определяться приматом эмоций над разумом, предвзятостью оценок, инфантильностью и личностной незрелостью, комплексом неполноценности, низкой самоидентификацией, расщеплением личности, потребностью в групповой самоидентификации и т.д. Именно таковы психологические черты и личностные характеристики террористов (см.: [1, 10, 13, 20]). При этом, как показывает практика, образованность, интеллектуальность и психическое здоровье не гарантируют устойчивости к экстремистским идеям. Проблема мотиваций, как мы попытались показать, кроется в самой структуре идентичности. И даже сформулированные террористом-одиночкой политико-идеологические мотивы являются, скорее всего, «формой рационализации скрытых личностных потребностей: стремления к усилению личностной идентификации или групповой принадлежности» [13].

Таким образом, дискуссионные вопросы природы и мотивов субъектов терроризма мы попытались развернуть в плоскости исследования структуры его идентичности. Проиллюстрируем обозначенные выше положения на примере Андреса Брейвика.

Брейвик – «образцовый террорист»

Имя Андреса Брейвика получило известность в связи с историей двойного теракта, организованного и совершенного им в Норвегии в июле 2011 г. (погибли 77 человек, 150 получили ранения). Объектом теракта Брейвика явилась коллективная фигура, тот самый символический объект отторгаемого Другого. Что на это указывает? Первая акция была проведена в правительственном квартале г. Осло. В результате взрыва припаркованного микроавтобуса 8 человек погибли, десятки получили ранения. Информационные источ-

ники отмечают, что, по признанию Брейвика, первоначально планировалось взорвать королевский дворец – из-за его символического значения, а также здание Норвежской рабочей партии – из-за причастности ее членов к созданию мультикультурного общества. Вслед за этим Брейвик отправляется на о. Утойя, где проходит традиционный слет молодежи, принадлежащей к социалистической Норвежской рабочей партии. Массмедиа подчеркивают, что были «убиты дети и подростки функционеров правящей либеральной партии (Норвежская рабочая партия)» [21]. Все жертвы теракта являлись для Брейвика символическими фигурами, неким коллективным субъектом, представляющим организацию, с политикой которой он был не согласен. Отсюда хладнокровная размеренность действий террориста, расстреливающего детей, спокойно глядя им в лицо и слушая музыку в наушниках [22]. В эту же логику коммуникации коллективного уровня (исключающей уровень индивидуальный) вписывается адресат данного теракта, а именно: правящая партия и сторонники ее политики. Так, по заявлению Брейвика, теракт был вынужденной мерой, направленной на спасение Норвегии «от либеральных политиков, которые проповедуют мультикультурализм и привели Европу к засилью мусульман» [23].

Далее, коммуникацию коллективного уровня – в случае Брейвика как «отправителя сообщения» от имени многих – подтверждает анализ информационных материалов, освещающих эти события. Заметим, что, несмотря на отсутствие сообщников (что в некоторых источниках подвергается сомнению) и организованной террористической группы, действия Брейвика не определялись сугубо личностными мотивами. Так или иначе, предлагаются разные версии того, что «стоял за его спиной». Наиболее распространенная позиция опирается на содержание «Декларации независимости Европы – 2083», опубликованной в интернете накануне теракта, в которой Брейвик изложил свои политические взгляды. Поскольку основная часть декларации посвящена проблемам мультикультурализма и исламизации Европы, постольку его экстремистскую деятельность связывают с анонимной частью общества, выступающей против иммигрантов-мусульман. Отмечается, что некоторое время этот «борец с исламской колонизацией Европы» принадлежал к радикально правой Партии прогресса, выступавшей за чистоту нации и против мигрантов (см.: [23, 24]). Показательно утверждение самого Брейвика о друзьях в его социальной сети Facebook: более 600 членов Лиги английской обороны (EDL) – ультраправой организации, объединяющей противников распространения ислама в Британии [25].

По другой версии, незадолго до теракта Брейвик плотно общался со спецслужбами Израиля. Эта информация подается в качестве установленного норвежской полицией факта [26]. Достаточно распространены также рассуждения на тему срежиссированности теракта как «главного приема управления современной демократии» [27]. Весьма активно обсуждается и идея «масонского следа». По данным норвежской и британской прессы Андрес Беринг Брейвик был высокопоставленным членом Масонской ложи Святого Олафа.

И, несмотря на то что после теракта он был немедленно исключен из ордена, журналисты отмечают, что, заявляя себя христианским рыцарем – «тамплиером», он готов сразиться за крест, «положив за него сколько угодно жизней, в их числе и свою собственную» [28].

Можно продолжить список предлагаемых версий, но не это является нашей задачей. Мы акцентируем внимание на наличии некой «коллективной фигуры» (в силу разноречивой информации – дискуссионной, обсуждаемой, требующей анализа, и возможно, не имеющей реального референта, но «воображаемой»), от имени которой действовал Брейвик. Речь идет о террористе-одиночке, который взял на себя «миссию» выражения групповых интересов некоего «фантомного» сообщества [29. С. 170]. Но не только это указывает на отсутствие сформированного ядра в виде персональной идентичности у террориста. О серьезных проблемах формирования личности Брейвика свидетельствует информация о его детстве.

Сообщается, что Андерс воспитывался в неполной семье: после развода родителей ребенок остался на попечении матери, которая не справлялась со своими обязанностями. Андерс состоял на учете в Государственном центре детской и юношеской психиатрии. Журналисты ссылаются на отчеты психологов, подтверждающие жестокое обращение матери с сыном, описанное, в том числе, в книге «Норвежская трагедия» Ааге Боргревинка [30]. Встречается информация (со ссылкой на шведские источники) о Брейвике как жертве ювенальной юстиции, отправившей ребенка на воспитание в приемные семьи [23]. В этих случаях, полагает доктор медицинских наук, психиатр-эксперт Федор Кондратьев, не систематизированная и противоречивая информация для становления самосознания, самоутверждения попадает через случайные каналы. Отвечая на вопрос о степени серьезности увлечения террористом националистическими идеями, Кондратьев отмечает, что Брейвик не производит впечатления человека с устоявшимся мировоззрением и духовной дисциплиной. «Его увлеченности могут быть искренними, но вряд ли они глубокие и постоянные, поскольку не видны связи с основами личности» [31]. А крайне негативные отзывы Брейвика о собственной семье, обрывочные упоминания о друзьях указывают, в свою очередь, на отсутствие значащих межперсональных отношений.

Итак, функции отсутствующей персональной идентичности в структуре идентификационной «матрешки» Брейвика берет на себя микросоциальная коллективная идентичность, не требующая рефлексии и обеспечивающая самоидентификацию по принципу «принадлежности» к некой группе. Неслучайно многие отмечают, что Брейвику нужны были авторитеты, ему необходимо было самоутвердиться [30]. И как мы показали выше, следы фантомного образа такой группы обнаруживаются как в журналистских версиях, так и в самом манифесте норвежского террориста. В основе Декларации Брейвика («2083 – A European

Declaration of Independence») – бессистемная компиляция представлений деятелей разных эпох. Взгляды Канта, Адама Смита, Черчилля, Макса Мануса, Мао Цзэдуна, Макиавелли, Теодора Качинского и других «идеализированных героев террориста» подтасовываются под изобретенную самим Брейвиком теорию неонацистского толка (за что он получает прозвище «фюрер XXI века») [24]. В его идеологической системе задаются параметры для самоидентификации и обозначается круг *Своих* – недовольных политикой мультикультурализма, «исламизацией Европы», политической деятельностью правящей партии Норвегии. Избранническую принадлежность к данному кругу усиливает присвоение сакральных мифологических смыслов его миссии (образ Сигурда, рыцаря-тамплиера и пр.). Это как раз тот случай, когда «мифы носят характер искажения культуры, а «любимые» эпохи и герои наполняются агрессивным содержанием» [18. С. 176]. Механизмы мифотворчества Брейвик использует в духе «классического» национализма, базирующегося на ксенофобии, когда основной целью является ограждение отдельной нации от остального мира. Так, в конце декларации террорист призывает европейцев для спасения расы прибегнуть к изоляционизму, христианским средневековым ценностям и к новому крестовому походу. Заметим, что подобное обращение к архаичным, неадекватным современному обществу слагаемым коллективной идентичности устанавливает демаркацию, не позволяющую выйти на культурно-цивилизационный уровень «матрешки» в коммуникации с Другим. Выбран путь «квазисоциальной» идентификации (Митрошенков О.А.), в основе которой этнические, клановые, конфессиональные, кастовые и другие подобные формы.

И действительно, статус *Чужаков* – «врагов террориста» – распространяется на национальные, религиозные, социально-политические (мезо- и макро-уровни) составляющие структуры идентичности субъектов коммуникации. Несмотря на объявленную Брейвиком цель номер один – «культурные марксистские профессора, ведущие телепрограмм культурных марксистских СМИ, лидеры общественных организаций» [32], в круг Других попадают религиозные (мусульмане), политические, мировоззренческие оппоненты. В целом феномен Брейвика эксперты рассматривают как новую тенденцию в терроризме, отражающую симптом кризиса европейской идентичности. Это ответ на европейские принципы толерантности, стирающие границы национальных государств ЕС и идентичность их граждан [33]. В глобализирующемся мире, идентификационные ориентиры которого пребывают в неустойчивом состоянии перманентных преобразований, следует ждать роста агрессии. Именно поэтому необходимы серьезные исследования механизмов формирования целостной структуры идентичности как необходимого условия профилактики экстремизма и терроризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует отметить, что объект теракта (насилия) одновременно может выступать адресатом. Это дает основания говорить о «двухуровневой системе объекта террористической деятельности» (Федорцев В.А.). Но авторы статьи считают целесообразным разделить «адресата послания» и объект теракта («получателя»), поскольку коммуникативные цели / задачи агента террористической деятельности по отноше-

нию к ним – разные. В первом случае целью «послания» является принуждение адресата к действиям, во втором – создание атмосферы страха, ужаса, хаоса и формирование «общественного мнения».

² Это согласуется с мыслью о том, что терроризм «не имеет гражданства», национальной или культурной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы социологии терроризма. М., 2008. 351 с.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: [/infopedia.su/16x6ac8.html](http://infopedia.su/16x6ac8.html) (дата обращения: 13.06.2019).
3. Резолюция 1344. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. URL: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/Russian_documents/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/Russian_documents/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 01.05.2019).
4. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015). URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/> (дата обращения: 01.05.2019).
5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 01.05.2019).
6. Методические материалы по профилактике терроризма и экстремизма : учеб.-методич. пособие / ред.: А.Б. Галанов, В.А. Сапожникова, Л.Р. Халикова, Э.А. Ижбулатова, С.С. Лысов, Л.Н. Тимерьянова, Р.Р. Шафигуллина. Уфа : ИРО РБ. 2012. 190 с.
7. Пашкевич И.Л. Теоретико-методологические основания исследования современного терроризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2 (10). С. 205–209.
8. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
9. Федорцев В.А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: основные признаки и тенденции исторического развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : Каф. гос. и муниципальн. упр. фак. гуманит. и социальн. наук Рос. ун-та дружбы народов, 2007.
10. Ольшевский Д.В. Психология терроризма. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
11. Чудинов С.И. Неустойчивая идентичность и ультранационалистический экстремизм в обществе риска. Общество и этнополитика // Материалы Международной научно-практической конференции / ред. Л.В. Савинов. Новосибирск : СибАГС. 2015. Ч. 2. С. 148–154.
12. Arena M.P., Arrigo B.A. The Terrorist Identity: Explaining the Terrorist Threat. New York University Press; New York and London, 2006. P. 311.
13. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 28–32.
14. Кудашов В.И. Терроризм как порождение глобализма // Осмысление глобального мира / ред. Ю.Н. Москвич. Красноярск : Литера-Принт, 2007. С. 167–173.
15. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М. : ВЦИОМ-А; Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
16. Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов : Центр СГСЭУ, 2000. 237 с.
17. Мещерякова Э.И., Бохан Т.Г., Ларионова А.В. Учет эвристик маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 104–113.
18. Ипполитова А.Г. К вопросу об экстремизме как культурно-историческом феномене // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 175–179.
19. Schwartz S.J., Dunkel C.S., Waterman A.S. Terrorism: An Identity Theory Perspective // Studies in Conflict & Terrorism. 2009. Vol. 32, is. 6. P. 537–559.
20. Смирнов В.М. Индивидуальные и психологические особенности террористов и лиц, предрасположенных к вовлечению в террористическую деятельность // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2017. № 3 (2). С. 28–31.
21. В этот день Брейвик убивал детей. Как это было и как его наказали. URL: <https://pantv.livejournal.com/1119674.html> (дата обращения: 10.05.2019).
22. Терракты, совершенные в Норвегии Андерсом Брейвиком в 2011 году. URL: <http://tass.ru/info/3475111> (дата обращения: 01.05.2019).
23. В кого стрелял Андерс Брейвик? URL: http://islam-today.ru/obsestvo/v_kogo_streljal_anders_breivik/ (дата обращения: 14.05.2019).
24. Фролов Ю. Синдром Брейвика // Правда о зомби. Секретные проекты спецслужб. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1022146/25/Frolov_-_Pravda_o_zombi_Sekretnye_proekty_specluzhb.htm/ (дата обращения: 11.05.2019).
25. Никифоров О. Синдром Брейвика. // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-07-27/2_breivik.html/ (дата обращения: 02.05.2019).
26. Дьяков И. Новое о Брейвике // Под крылом Жириновского. URL: <http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=298849> (дата обращения: 23.12.2019)
27. Брейвик: сионистская миссия выполнена. URL: <http://dazzle.ru/antifascism/iobsmv.shtml> (дата обращения: 12.05.2019).
28. Каграманов Ю. Многие в Европе думают сегодня, как Брейвик, но не признают этого на словах. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2013/03/mnogie-v-evrope-dumayut-segodnya-kak-breivik-no-ne-priznayut-etogo-na-slovax/> (дата обращения: 14.05.2019).
29. Hemmingby C., Bjørge T. Terrorist Target Selection The Case of Anders Behring Breivik // Perspectives on Terrorism. 2018 Vol. 12, № 6. P. 164–176.
30. Причины почему Брейвик террорист, сионист и масон кроются в его детстве, а также в двойных стандартах в политике и экономике. URL: https://via-midgard.com/news/in_russia/breivik-nazhivka-na-kryuchke-parazitov-breivika.htm (дата обращения: 23.05.2019).
31. Феномен Брейвика. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/fenomen-breivika/> (дата обращения: 15.05.2019).
32. Бабушкин Е. Быть Брейвиком. URL: <https://snob.ru/selected/entry/111254> (дата обращения: 15.05.2019).
33. Коровин В. Брейвик как зеркало европейского кризиса идентичности. URL: <http://www.km.ru/spetsproekty/2011/09/02/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-mire/breivik-kak-zerkalo-evropeiskogo-krizisa/> (дата обращения: 20.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 октября 2019 г.

Terrorist Identification: Breivik's Casus as a Methodological Case

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 84–92.

DOI: 10.17223/15617793/450/10

Elena N. Savelieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru

Valeriya E. Budenkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: soler@front.ru

Keywords: extremism; terrorism agent; personal identity; collective identity; communication; self-identification.

The article deals with the problem of terrorism as the most radical kind of extremist practice. The aim of the article is to reveal the nature of terrorism in the context of the terrorist activity agent's identity peculiarities. Despite the spread of terrorism in the modern world, a general methodological programme of research of this phenomenon has not yet been formed. Meanwhile, the lack of theoretical consolidation in various areas of humanities does not allow to develop an effective methodology for counterterrorism efforts. The scientific novelty of the authors' approach is that terrorism is considered both in connection with external factors and

with internal components of the identity structure of a terrorist. The methodological foundation of the study is an identity model the authors developed. The empirical basis of the study is materials related to the extremist activity, political views and childhood of Anders Breivik, published in Russian and foreign media. The study is structured as follows: primarily, attention is paid to the difficulties of conceptualisation and the lack of a unified approach to the understanding of terrorism and extremism. The methodological effectiveness of the position, which emphasises the inextricable link between extremism and terrorism, is substantiated. Further, the authors turn to the conceptions, revealing the foundations and causes of terrorism, which allows them to denote their own research strategy. The nature of terrorism is revealed in the context of the following understanding of the identity structure. Firstly, it is formed in the process of communication. Secondly, identity has a “solid core” represented by personal identity. Thirdly, its structure is a system of interrelated types and levels and is similar to a “matryoshka”. Within the framework of the proposed model, the authors made the following conclusions regarding the identity of the agent of extremism and terrorism. Extremist and terrorist activity is a specific form of collective communication which excludes the individual level. In addition, in the structure of the terrorists’ “matryoshka”, there is no crucial part—personal identity—which is responsible for the stability of identity as an integral system. The result of the study is the conclusion that the terrorist’s self-identification is built on the basis of belonging to a group and the denial of the Other, and that the value system choice is not a personal choice. Besides, education and mental health do not guarantee opposition to extremist ideas. The problem of motivations, as the authors show, lies in the very structure of identity. The authors’ concept is illustrated by the example of Anders Breivik. The analysis of information materials covering the terrorist act he organised, his political views, as well as his childhood, allowed to confirm the identified features that characterise the nature and motives of the agent of terrorism.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V.N. et al. (2008) *Osnovy sotsiologii terrorizma* [Basics of the Sociology of Terrorism]. Moscow: Moscow State University.
2. Infopedia.su. (2001) *Shangkayskaya konventsiya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom* [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism]. [Online] Available from: <https://infopedia.su/16x6ac8.html>. (Accessed: 13.06.2019).
3. Coe.int. (2003) *Rezolyutsiya 1344. Ob ugroze dlya demokratii so storony ekstremistskikh partiy i dvizheniy v Evrope* [Threat Posed to Democracy by Extremist Parties and Movements in Europe. RES 1344]. [Online] Available from: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp). (Accessed: 01.05.2019).
4. Legalacts.ru. (2015) *Federal'nyy zakon "O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti" ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. Ot 23.11.2015)* [Federal Law “On Countering Extremist Activities” No. 114-FZ of July 25, 2002 (As Amended on November 23, 2015)]. [Online] Available from: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/>. (Accessed: 01.05.2019).
5. Consultant.ru. (2006) *Federal Law “On Countering Terrorism” No. 35-FZ of March 6, 2006*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/. (Accessed: 01.05.2019). (In Russian).
6. Galanov, A.B. et al. (eds) (2012) *Metodicheskie materialy po profilaktike terrorizma i ekstremizma* [Methodological Materials for the Prevention of Terrorism and Extremism]. Ufa: IRO RB.
7. Pashkevich, I.L. (2009) *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya sovremennogo terrorizma* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Modern Terrorism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 2 (10). pp. 205–209.
8. Budenkova, V.E. & Savel'eva, E.N. (2016) Identity as a Topic of Theoretical and Methodological Analysis: Models and Approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (21). pp. 31–44. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/4
9. Fedortsev, V.A. (2007) *Negosudarstvennyy terrorizm kak forma politicheskoy bor'by: osnovnye priznaki i tendentsii istoricheskogo razvitiya* [Non-State Terrorism as a Form of Political Struggle: The Main Signs and Trends of Historical Development]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
10. Ol'shanskiy, D.V. (2002) *Psikhologiya terrorizma* [The Psychology of Terrorism]. St. Petersburg: Piter.
11. Chudinov, S.I. (2015) [Unstable Identity and Ultranationalist Extremism in a Risk Society]. *Obshchestvo i etnopolitika* [Society and Ethnopolitics]. Proceedings of the International Conference. Pt. 2. Novosibirsk: Siberian Academy of State Service. pp. 148–154. (In Russian).
12. Arena, M.P. & Arrigo, B.A. (2006) *The Terrorist Identity: Explaining the Terrorist Threat*. New York; London: New York University Press.
13. Enikolopov, S.N. (2006) Terrorism and Aggressive Behavior. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 1 (1). pp. 28–32. (In Russian).
14. Kudashov, V.I. (2007) *Terrorizm kak porozhdenie globalizma* [Terrorism as a Product of Globalism]. In: Moskvich, Yu.N. (ed.) *Osmyslenie global'nogo mira* [Understanding the Global World]. Krasnoyarsk: Litera-Print. pp. 167–173.
15. Gudkov, L. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative Identity. Articles of 1997–2002]. Moscow: VTsIOM-A; Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Gurin, S.P. (2000) *Marginal'naya antropologiya* [Marginal Anthropology]. Saratov: Tsentr SGSEU.
17. Meshcheryakova, E.I., Bokhan, T.G. & Larionova, A.V. (2014) Consideration of Heuristics of Marginality in Psycho-Corrective Work With People Convicted for Extremism: An Anthropological Approach. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 52. pp. 104–113. (In Russian).
18. Ippolitova, A.G. (2015) To the Question of Extremism as Cultural and Historical Phenomena. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 17 (3). pp. 175–179. (In Russian).
19. Schwartz, S.J., Dunkel, C.S. & Waterman, A.S. (2009) Terrorism: An Identity Theory Perspective. *Studies in Conflict & Terrorism*. 32 (6). pp. 537–559.
20. Smirnov, V.M. (2017) Individual'nye i psikhologicheskie osobennosti terroristov i lits, predispolozhennykh k вовлечению в террористическую деятельность [Individual and Psychological Characteristics of Terrorists and Persons Predisposed to Being Involved in Terrorist Activities]. *Novaya nauka: strategii i vektory razvitiya*. 3 (2). pp. 28–31.
21. Pantv.livejournal.com. (2016) *V etot den' Breyvik ubival detey. Kak eto bylo i kak ego nakazali* [On This Day, Breivik Was Killing Children. How It Was and How He Was Punished]. [Online] Available from: <https://pantv.livejournal.com/1119674.html>. (Accessed: 10.05.2019).
22. Tass.ru. (2016) *Terakty, sovershennyye v Norvegii Andersom Breyvikom v 2011 godu* [Terrorist Attacks Committed by Anders Breivik in Norway in 2011]. [Online] Available from: [http://tass.ru/info/3475111\(data obrashcheniya: 01.05.2019\)](http://tass.ru/info/3475111(data obrashcheniya: 01.05.2019)).
23. Islam-today.ru. (2013) *V kogo strelyal Anders Breyvik? [Who Was Anders Breivik Shooting at?]*. [Online] Available from: http://islam-today.ru/obsestvo/v_kogo_strelyal_anders_breyvik/. (Accessed: 14.05.2019).
24. Frolov, Yu. (2012) *Sindrom Breyvika* [Breivik Syndrome]. [Online] Available from: http://www.e-reading.club/chapter.php/1022146/25/Frolov_-_Pravda_o_zombi_Sekretnye_proekty_specsluzhb.htm/. (Accessed: 11.05.2019).
25. Nikiforov, O. (2011) *Sindrom Breyvika* [Breivik Syndrome]. *Nezavisimaya gazeta*. [Online] Available from: [http://www.ng.ru/politics/2011-07-27/2_breyvik.html\(data obrashcheniya: 02.05.2019\)](http://www.ng.ru/politics/2011-07-27/2_breyvik.html(data obrashcheniya: 02.05.2019)).

26. D'yakov, I. (2011) *Novoe o Breyvike* [New About Breivik]. [Online] Available from: <http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=298849>. (Accessed: 23.12.2019)
27. Orlov, I. (2011) *Breyvik: sionistskaya missiya vpolnena* [Breivik: The Zionist Mission Complete]. [Online] Available from: <http://dazzle.ru/antifascism/iobsmv.shtml>. (Accessed: 12.05.2019).
28. Kagramanov, Yu. (2013) *Mnogie v Evrope dumayut segodnya, kak Breyvik, no ne priznayut etogo na slovakh* [Many People in Europe Think Like Breivik Today, but Do Not Admit It in Words]. [Online] Available from: <http://www.gazetaprotestant.ru/2013/03/mnogie-v-evrope-dumayut-segodnya-kak-brejvik-no-ne-priznayut-etogo-na-slovax/>. (Accessed: 14.05.2019).
29. Hemmingby, C. & Bjørge, T. (2018) Terrorist Target Selection The Case of Anders Behring Breivik. *Perspectives on Terrorism*. 12 (6). pp. 164–176.
30. Via-midgard.com. (2012) *Prichiny pochemu Breyvik terrorist, sionist i mason kroyutsya v ego detstve, a takzhe v dvoynnykh standartakh v politike i ekonomike* [Reasons Why Breivik Is a Terrorist, Zionist and Freemason Lie in His Childhood, as Well as in Double Standards in Politics and Economics]. [Online] Available from: https://via-midgard.com/news/in_russia/brejvik-nazhivka-na-kryuchke-parazitov-brejvika.htm. (Accessed: 23.05.2019).
31. Zakharchenko, A. (2011) *Fenomen Breyvika* [The Breivik Phenomenon]. [Online] Available from: <https://www.miloserdie.ru/article/fenomen-brejvika/>. (Accessed: 15.05.2019).
32. Babushkin, E. (2016) *Byt' Breyvikom* [Being a Breivik]. [Online] Available from: <https://snob.ru/selected/entry/111254>. (Accessed: 15.05.2019).
33. Korovin, V. (2011) *Breyvik kak zerkalo evropeyskogo krizisa identichnosti* [Breivik as a Mirror of the European Identity Crisis]. [Online] Available from: <http://www.km.ru/spetsproekty/2011/09/02/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-mire/breyvik-kak-zerkalo-evropeiskogo-krizisa/>. (Accessed: 20.06.2019).

Received: 01 October 2019